

Начало Великой Отечественной войны

Соотношение сил Белостокско-Минский котёл, первые недели войны
Первое танковое сражение Смоленское сражение 1941 года Бои за Ростов в 1941 г.
Высшие соединения РККА на 22 июня 1941 года Назначение заградительных отрядов
Немецкие планы мирового господства Первый день обороны Брестской крепости
Брестская крепость продолжает сражаться

**"И пред глазами сорок первый,
Внезапно прерванный войной,
Врагу навстречу шли резервы,
На Запад, часто сразу в бой!"**

Ким Добкин

В июне 1941 г. многое указывало на то, что Германия развернула подготовку к войне против Советского Союза. К границе подтягивались немецкие дивизии. О подготовке войны стало известно из донесений разведки. В частности, советский разведчик Рихард Зорге сообщил даже точный день вторжения и количество дивизий противника, которые будут заняты в операции.

В этих тяжёлых условиях советское руководство стремилось не дать ни малейшего повода для начала войны. Оно даже разрешило «археологам» из Германии разыскивать «могилы солдат, погибших в годы Первой мировой войны». Под этим предлогом немецкие офицеры открыто изучали местность, намечали пути будущего вторжения.

13 июня 1941 г. было опубликовано знаменитое официальное заявление ТАСС. В нём опровергались «слухи о близости войны между СССР и Германией». Такие слухи распространяют «поджигатели войны», которые хотят поссорить две страны, говорилось в заявлении. На самом деле Германия «также неукоснительно, как и Советский Союз, соблюдает пакт о ненападении». Немецкая печать обошла это заявление полным молчанием. Министр пропаганды Германии Йозеф Геббельс записал в своём дневнике: «Сообщение ТАСС – проявление страха. Сталина охватывает дрожь перед грядущими событиями».

Интересно, что Гитлер отдал приказ вермахту перейти советскую границу именно в воскресенье 22 июня 1941 года. Почему не в субботу и не в понедельник? Ответ кроется в мистической подоплеке многих шагов «бесноватого ефрейтора». 22 июня – день, когда древние германцы торжественно отмечали праздник огненного Солнца. День летнего солнцестояния – одно из главных сакральных празднеств. Фюрер был мистиком до самого своего последнего дня. Он и покончил с собой в ночь на 1 мая – Вальпургиеву ночь, когда валькирии уносят в Валгаллу души героев...

На рассвете 22 июня, в один из самых длинных дней в году, Германия начала войну против Советского Союза. В 3 часа 30 минут части Красной армии были атакованы немецкими войсками на всём протяжении границы. В ранний предрассветный час 22 июня 1941 года ночные наряды и дозоры **пограничников**, которые охраняли западный государственный рубеж Советской страны, заметили странное небесное явление. Там, впереди, за пограничной чертой, над захваченной гитлеровцами землей Польши, далеко, на западном крае чуть светлеющего предутреннего неба, среди уже потускневших звезд самой короткой летней ночи вдруг появились какие-то новые, невиданные звезды. Непривычно яркие и разноцветные, как огни фейерверка – то красные, то зеленые, – они не стояли

неподвижно, но медленно и безостановочно плыли сюда, к востоку, прокладывая свой путь среди гаснущих ночных звезд. Они усеяли собой весь горизонт, сколько видел глаз, и вместе с их появлением оттуда, с запада, донесся рокот множества моторов.

Этот рокот быстро нарастал, заполняя собою все вокруг, и наконец разноцветные огоньки проплыли в небе над головой дозорных, пересекая невидимую линию воздушной границы. Сотни германских самолетов с зажженными бортовыми огнями стремительно вторглись в воздушное пространство Советского Союза.

И, прежде чем пограничники, охваченные внезапной зловещей тревогой, успели осознать смысл этого непонятного и дерзкого вторжения, предрассветная полумгла на западе озарилась мгновенно взблеснувшей зарницей, яростные вспышки взрывов, вздымающих к небу черные столбы земли, забушевали на первых метрах пограничной советской территории, и все потонуло в тяжком оглушительном грохоте, далеко сотрясающем землю. Тысячи германских орудий и минометов, скрытно сосредоточенных в последние дни у границы, открыли огонь по нашей пограничной полосе. Всегда настороженно-тихая линия государственного рубежа сразу превратилась в ревущую, огненную линию фронта...

Спустя час после начала вторжения посол Германии в Советском Союзе граф фон Шуленбург вручил В. Молотову меморандум. В нём говорилось, что советское правительство хотело «нанести удар в спину Германии», и потому «фюрер отдал вермахту приказ воспрепятствовать этой угрозе всеми силами и средствами». «Это что, объявление войны?» - спросил Молотов. Шуленбург развёл руками. «Чем мы это заслужили?!» — горько воскликнул Молотов. Утром 22 июня московское радио передавало обычные воскресные передачи и мирную музыку. О начале войны советские граждане узнали лишь в полдень, когда по радио выступил Вячеслав Молотов. Он сообщил: «Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну.

Три мощные группы германских армий двинулись на восток. На севере фельдмаршал Лееб направлял удар своих войск через Прибалтику на Ленинград. На юге фельдмаршал Рунштедт нацеливал свои войска на Киев. Но самая сильная группировка войск противника развертывала свои операции в середине этого огромного фронта, там, где, начинаясь у пограничного города **Бреста**, широкая лента асфальтированного шоссе уходит в восточном направлении – через столицу Белоруссии Минск, через древний русский город Смоленск, через Вязьму и Можайск к сердцу нашей Родины – Москве.

За четверо суток немецкие подвижные соединения, действуя на узких фронтах, прорвались в глубину до 250 км и достигли Западной Двины. Армейские корпуса находились в 100 – 150 км позади танковых.

Командование Северо-Западного фронта по указанию Ставки сделало попытку организовать оборону на рубеже Западной Двины. От Риги до Лиепаи должна была обороняться 8-я армия. Южнее выдвигалась 27-я армия, задача которой состояла в том, чтобы прикрыть разрыв между внутренними флангами 8-й и 11-й армий. Темпы развертывания войск и занятия обороны на рубеже Западной Двины были недостаточными, что позволило 56-му моторизованному корпусу противника с ходу переправиться на северный берег Западной Двины, овладеть Даугавпилсом и создать плацдарм на северном берегу реки. 8-я армия, потерявшая до 50% личного состава и до 75% материальной части, начала отходить на северо-восток и север, в Эстонию. В связи с тем что 8-я и 27-я армии отступали по расходящимся направлениям, путь подвижным соединениям противника на Псков и Остров оказался открытым.

Краснознаменный Балтийский флот был вынужден оставить Лиепая и Вентспилс. После этого оборона Рижского залива базировалась только на островах Сарема и Хиума, которые еще удерживались нашими войсками. В итоге боевых действий с 22 июня по 9 июля войска Северо-Западного фронта не выполнили стоявших перед ними задач. Они оставили Прибалтику, понесли тяжелые потери и позволили врагу продвинуться до 500 км.

Против Западного фронта наступали главные силы группы армий «Центр». Их ближайшей целью являлся обход главных сил Западного фронта и окружение их с выходом танковых групп в район Минска. Наступление врага на правом крыле Западного фронта в направлении Гродно было отражено. Наиболее тяжелая обстановка сложилась на левом крыле, где противник нанес удар 2-й танковой группой на Брест, Барановичи.

С началом обстрела Бреста на рассвете 22 июня находившиеся в городе подразделения 6-й и 42-й стрелковых дивизий были подняты по тревоге. В 7 часов противник ворвался в город. Часть наших войск отошла из крепости. Остаток гарнизона, насчитывавший к этому времени в общей сложности до полка пехоты, организовал оборону цитадели и решил сражаться в окружении до конца. Началась героическая оборона Бреста, которая продолжалась свыше месяца и явилась примером легендарной доблести и отваги советских патриотов.

С развитием наступления противника штаб Западного фронта потерял управление войсками. Отдаваемые им приказание войска получали с большим опозданием или вообще не получали, большей частью эти распоряжения не соответствовали обстановке. Ряд частей, которым они адресовались, уже потеряли боеспособность.

Командование фронта не смогло принять мер для организации обороны, чтобы задержать наступление 3-й танковой группы гитлеровцев. Ее передовые части прорвались к северной окраине Минска, а войска 2-й танковой группы вышли на южную окраину города, отрезав тем самым основные пути отхода на восток войскам наших 3-й и 10-й армий, значительная часть которых оказалась в окружении в районе между Белостоком и Минском. Несмотря на тяжелое поражение, окруженные войска приковали к себе 21 дивизию группы армий «Центр». Только восемь вражеских дивизий имели возможность немедленно продвигаться дальше на восток. Это позволило нашему командованию выиграть время для выдвижения из глубины страны новых соединений на рубеж рек Западная Двина и Днепр.

Советское Верховное Главнокомандование, учитывая крайне трудную обстановку на Западном фронте, решило создать новый фронт обороны на западном направлении путем развертывания на рубеже рек Западная Двина и Днепр соединений прибывающих из внутренних округов. Новая группировка первоначально называлась Группой армий резерва Главного командования (с 1 июля она стала именоваться Западным фронтом). В ее состав были включены прибывшие из резерва Ставки 22, 20, 21, 19 и 10-я армии. Эти армии получили задачу развернуться на фронте западнее Невеля, по восточному берегу Днепра до Кременчуга, протяжением до 700 км.

Для повышения устойчивости войск, оборонявших Западное стратегическое направление, в тылу создаваемого на Днепре фронта Ставка Главного командования развертывала новый эшелон войск – «Фронт резервных армий», в который включалось шесть общевойсковых армий (29, 30, 24, 28, 31 и 32-я). Этот фронт, созданный к 14 июля, получил задачу «к исходу 14 июля занять рубеж Старая Русса, Осташков, Белый, Истомино, Ельня, Брянск и подготовиться к упорной обороне».

В итоге боевых действий с 22 июня по 9 июля войска Западного фронта понесли тяжелое поражение. Противник продвинулся до 550 км, занял почти всю Белоруссию и вышел к Днепру.

Войска Юго-Западного фронта встретили вражеский удар упорной обороной и контратаками. С большим трудом и значительными потерями немецкой 1-й танковой группе совместно с 6-й армией удалось продвинуться из района Сокаль в направлении Дубно. На других направлениях противник добился еще меньшего успеха.

Командование Юго-Западного фронта, правильно определив основную группировку врага и направление его главного удара, в ходе боев приняло решение произвести перегруппировку механизированных корпусов фронта для нанесения контрударов по прорвавшемуся противнику. Против 1-й танковой группы из глубины были выдвинуты в район Броды 15, 8, 9 и 19-й механизированные корпуса.

Действия механизированных корпусов не удалось объединить единым руководством. Контрудары в последующие дни вылились в ряд встречных сражений, которые носили разрозненный характер. Наибольшего успеха добился 8-й механизированный корпус.

Контрудар 8-го механизированного корпуса в районе Броды, Дубно и действия нашей авиации имели существенное оперативное значение. Наступление главных сил 1-й танковой группы противника было на несколько дней приостановлено, и главные силы фронта получили возможность выйти из-под угрозы охвата. Однако контрудар не смог изменить общей неблагоприятной оперативно-стратегической обстановки на Юго-Западном направлении. Противник сумел своими подвижными войсками глубоко вклиниться в нашу оборону и нарушить взаимодействие между 5-й и 6-й армиями. В сложившихся условиях советское Главное командование решило к 9 июля отвести войска и занять оборону вдоль старой государственной границы.

Общий отход войск Юго-Западного фронта был сопряжен с большими трудностями. Авиация противника, господствуя в воздухе, атаковала отходящие части. Темп наступления танковых и моторизованных дивизий противника оказался выше темпов маневра наших резервов. Немецкая 11-я танковая дивизия с ходу преодолела оборонительный рубеж на восточном берегу р. Случь и 8 июля заняла Бердичев. 9 июля 13-я танковая дивизия, преодолев не завершенный строительством северный фас Новгород-Волынского укрепленного района, ворвалась в Житомир. 3-й моторизованный корпус, продвинувшись за двое суток на 110 км, к исходу 11 июля вышел к внешнему обводу Киевского укрепленного района, где был остановлен героической обороной защитников Киева. В итоге противник смог в короткий срок выйти на подступы к Киеву.

Быстрое развитие наступления 1-й танковой

группы стало возможным только вследствие полной неготовности наших укрепленных районов, опоздания подхода резервов, высоких темпов продвижения танковых соединений противника а также в результате господства в воздухе немецко-фашистской авиации. Гитлеровцы осуществили прорыв в глубь территории Украины.

Начальный период войны закончил для нас тяжелым исходом. Вооруженные Силы понесли большие потери, главным образом в боевой технике, особенно в авиации и танках. Если перед войной западные приграничные округа располагали превосходством над противником в количестве танков и авиации, то к исходу начального периода войны это превосходство было утрачено. Тяжелый исход начального периода войны оказал всестороннее влияние на дальнейший ход Великой Отечественной войны.

Была достигнута полная внезапность нападения, и советские войска в приграничных районах оказались захваченными врасплох неожиданным ночным ударом врага. Германская авиация сумела в первые же часы войны уничтожить на аэродромах и в парках большую часть наших самолетов и танков. Поэтому господство в воздухе осталось за противником. Немецкие бомбардировщики непрерывно висели над отступающими колоннами наших войск, бомбили склады боеприпасов и горючего, наносили удары по городам и железнодорожным узлам, а быстрые "мессершмитты" носились над полевыми дорогами, преследуя даже небольшие группы бойцов, а то гоняясь и за одиночными пешеходами, бредущими на восток.

На первый взгляд все шло по плану, разработанному в гитлеровской ставке. Точно, как было предусмотрено, танки Гудериана и Гота 27 июня встретились под Минском фашисты овладели столицей Белоруссии и отрезали часть наших войск. Через три недели после этого, 16 июля, передовые отряды германской армии вступили в Смоленск. Здесь и там отступающие с тяжелыми боями советские войска попадали в окружения, несли большие потери, и фронт откатывался все дальше на восток. Берлинская печать уже трубила победу, твердя, что Красная Армия уничтожена и в самое ближайшее время немецкие дивизии вступят в Москву.

Но в эти же самые дни войны проявилось нечто вовсе не предусмотренное планами гитлеровского командования. Итоги первых боев и сражений, несмотря на успехи фашистских войск, невольно заставляли задумываться наиболее дальновидных германских генералов и офицеров. Война на Востоке оказалась совсем непохожей на войну на Западе. Противник здесь был иным, и его поведение опрокидывало все привычные представления немецких военачальников и их солдат.

Это странное и необъяснимое упорство советских людей поражало и тревожило многих немецких полководцев. Во всех прежних походах на Западе, против кого бы ни сражались германские войска – будь то поляки или французы, англичане или греки, – они имели перед собой привычную линию фронта. По ту сторону этой линии был расстроенный, дезорганизованный отступлением противник, силы которого все больше слабели и которого лишь предстояло добить. Но все, что было позади, являлось уже прочно завоеванной, покоренной землей.

Тут, в России, все было не так. Правда, по ту сторону линии фронта тоже были отступающие, терпящие поражение войска. Но вопреки тому, что обычно случалось во всех кампаниях на Западе, сила сопротивления этих войск не уменьшалась, а возрастала по мере отступления в глубь страны, несмотря на все тяжелые военные неудачи, которые выпали на их долю.

На фронте с каждым днем крепло сопротивление Красной Армии. Вслед за упорными арьергардными боями в западных областях Белоруссии и на Березине противнику пришлось

испытать первые сильные контрудары наших войск в долгой кровопролитной битве под Смоленском. Рядом с донесениями об одержанных победах, о захвате больших пространств советской земли, о быстром продвижении в глубь России на штабные столы как грозное и зловещее предвестие будущего ложились перед германскими генералами отчеты и сводки с цифрами огромных потерь, понесенных их войсками в этих первых боях, потерь, отнюдь не предусмотренных планами фашистского командования.

Неудачное начало войны дало повод для новой волны арестов. За 18 дней противник продвинулся на восток на 450-600 км, захватил большую территорию, на которой располагалось 200 складов с горючим, продовольствием, боеприпасами и другим имуществом. 28 советских дивизий были полностью разгромлены, а еще 72 дивизии потеряли свыше половины своего состава. Потери оружия и боевой техники были очень велики: 6 тыс. танков, 9,5 тыс. орудий, около 12 тыс. минометов, не менее 3,5 тыс. самолетов.

Большая часть потерь приходилась на Западный фронт, именно здесь немцы наносили главный удар. Именно, это направление советский Генштаб считал наиболее опасным и предлагал стянуть сюда основные силы. Но Сталин приказал сосредоточить большую часть войск на юго-западном направлении (на Украине). Когда его прогнозы не сбылись, Главком нашёл "козлов отпущения". Он санкционировал арест и предание суду командующего, начальника штаба, начальника артиллерии и начальника связи Западного фронта, а также командующего 4-й армией "за позорящую звание командира трусость, бездействие власти, отсутствие распорядительности, развал управления войсками, сдачу оружия противнику без боя и самовольное оставление позиций".

Приказав прочесть это постановление во всех ротах, батареях, эскадронах и авиаэскадрильях, Председатель ГКО хотел убедить всех военнослужащих, что именно эти генералы виноваты в трагических событиях начала войны, одновременно он предупреждал, что будет и впредь "железной рукой пресекать всякое проявление трусости и неорганизованности в рядах Красной Армии".

Превращение страны в военный лагерь

За сутки до нападения фашистской Германии на Советский Союз, 21 июня, советское руководство приняло решение о создании на базе западных пограничных округов военных фронтовых объединений. Согласно этому решению, в первый же день войны – Прибалтийский, Западный и Киевский особые военные округа преобразовались соответственно в Северо-западный, Западный и Юго-западный фронт. 24 июня Ленинградский военный округ преобразовался в Северный фронт, а 25 июня создается Южный фронт, объединивший часть сил Юго-западного фронта и 9-ю армию, выделенную из Одесского военного округа. Одновременно создавался резерв Главного командования – армии второй линии обороны под единым руководством.

В день нападения фашистской Германии на СССР, 22 июня, было принято решение о военном положении, согласно которому в районах страны, где оно объявлялось, все функции государственной власти в отношении обороны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности передавались военным властям. В тот же день был опубликован указ Президиума Верховного Совета СССР о мобилизации военнообязанных 1905-1918 годов рождения на территории всех военных округов, кроме Среднеазиатского, Забайкальского и Дальневосточного. Первым днем мобилизации объявлялось 23 июня, что позволяло сразу же дать необходимое пополнение тем дивизиям, в которых был некомплект в личном составе, и довести их численность до штатов военного времени, а также давало

возможность начать формирование новых военных соединений, необходимых для усиления действующей армии.

Угрожающая **обстановка первых дней войны** потребовала создания специального руководящего военного органа, достаточно централизованного и гибкого, чтобы успешно осуществлять стратегическое руководство военными действиями. Таким чрезвычайным органом высшего военного управления стала Ставка Главного командования, образованная 23 июня под председательством народного комиссара обороны С.К. Тимошенко. На Ставку было возложено не только стратегическое руководство действиями войск, но и разработка замыслов и планов важнейших операций, организация дальнейшего развертывания и совершенствования армии и флота в условиях начавшейся войны.

Одним из наиболее крупных мероприятий в деле централизации политического, государственного и военного руководства, обусловленных требованиями военного времени, явилось создание еще одного чрезвычайного органа управления страной – Государственного комитета обороны (ГКО) под председательством И.В. Сталина. Этот орган образовался ввиду создавшегося чрезвычайного положения – в целях мобилизации сил всех народов СССР для проведения отпора врагу к перестройки всей экономики страны на военный лад.

В руках ГКО сосредотачивалась вся полнота власти в государстве, причем все государственные органы, все граждане были обязаны беспрекословно выполнять все его решения и распоряжения. На ГКО возлагалось все партийное и советское руководство в государстве, в его руках сосредоточилась вся полнота власти на период военного времени, его постановления имели силу закона. Для оперативного решения ряда вопросов, и прежде всего вопросов, связанных с организацией и развитием военного производства, был учрежден специальный институт уполномоченных ГКО.

Образование Государственного комитета обороны способствовало необходимой централизации в руководстве страной, давало возможность быстро добиваться наиболее полной мобилизации материальных и людских ресурсов государства и их использования в условиях военного времени в целях разгрома врага. 10 июля 1941 года для приближения стратегического руководства к войскам действующей армии были созданы их главные командования на трех стратегических направлениях советско-германского фронта – северо-западном (главком маршал К.Е. Ворошилов), западном (маршал С.К. Тимошенко), юго-западном (маршал С.М. Буденный). Одновременно произошли некоторые изменения и в составе Ставки, которая с 10 июля стала называться ставкой Верховного главнокомандования. Председателем Ставки стал И.В. Сталин, который 19 июля был назначен наркомом обороны СССР, а с 8 августа одновременно и Верховным главнокомандующим. Одновременно были осуществлены конкретные мероприятия по перестройке народного хозяйства на военные рельсы, нашедшие свое отражение в мобилизационных и народнохозяйственных планах.

23 июня 1941 года был введен мобилизационный план по производству боеприпасов, а Госплану СССР давалось указание подготовить общий мобилизационный народнохозяйственный план на третий квартал 1941 года, основы которого были разработаны еще до войны. С 24 июня на железных дорогах страны вводился особый график, обеспечивавший первоочередное и скорейшее продвижение воинских эшелонов. Пассажирские перевозки были максимально сокращены. 25 июня принимается решение об увеличении выпуска средних и тяжелых танков, а 27 июня – об ускоренном строительстве новых авиационных заводов. 30 июня Политбюро ЦК партии и Совнарком СССР утвердили представленный Госпланом проект "Общего мобилизационного народнохозяйственного плана на третий квартал 1941 года", охватившего все сферы народного хозяйства. Планом предусматривалось увеличение производства военной продукции по сравнению с довоенным уровнем на 20%. Заводы и фабрики, выпускавшие до войны гражданскую

продукцию, переключались на производство боевой техники, вооружения, боеприпасов, горючего для танков и самолетов, специальных тканей для парашютов, обмундирования, снаряжения и других предметов военного снабжения. Имевшиеся ресурсы продовольствия, направлялись прежде всего для обеспечения армии и населения, занятого в военной промышленности. Максимум денежных средств направлялся на военно-промышленное строительство.

В целях быстрой мобилизации всех сил страны для нужд фронта была перестроена работа государственного аппарата. С образованием ГКО все вопросы перестройки народного хозяйства на военный лад перешли в его руки. Права народных комиссаров на военное время были значительно расширены. Создаются новые наркоматы – танковой промышленности, минометного вооружения, а также новые комитеты и управления.

В развертывании военного производства важное значение имело централизованное перераспределение трудовых, ресурсов страны. В связи с мобилизацией в Красную Армию к 1 июля 5,3 млн. человек, а также из-за оккупации части советских территорий врагом численность рабочих и служащих в народном хозяйстве СССР заметно уменьшилась. Чтобы обеспечить рабочими руками военную промышленность, уже в июне 1941 года был образован Комитет по распределению рабочей силы, который привлек в военную промышленность и связанные с ней отрасли рабочих из легкой и пищевой промышленности, коммунального хозяйства, управленческого аппарата. Для работы на заводах, транспорте, стройках мобилизовалось городское и **сельское население**. Был увеличен рабочий день, отменялись очередные и дополнительные отпуска, вводились обязательные сверхурочные работы.

Для руководства эвакуацией создается Совет по эвакуации, а 27 июня 1941 года ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР вынесли постановление, в котором перечислялись материальные ценности, вывозимые в первую очередь. 4 июля ГКО отдает директиву по вопросам хозяйственной политики в условиях вынужденной эвакуации производительных сил, в которой давалась установка специальной комиссии разработать новый план всемерного развития военного производства, имея в виду использование ресурсов и предприятий, существовавших на Волге, в Западной Сибири и на Урале, а также ресурсов и предприятий, вывозимых в указанные районы в порядке эвакуации. Все эти мероприятия, осуществленные в первые дни войны, стали важнейшей составной частью общей программы советского руководства по превращению страны в единый военный лагерь, по организации всенародного отпора немецко-фашистским захватчикам.

Формирование народного ополчения

Председатель ГКО призвал весь народ сплотиться перед лицом смертельной опасности и мобилизовать все силы на разгром врага. Сражаться до последней капли крови. При вынужденном отходе вывозить на восток оборудование заводов и фабрик, все ценное имущество, горючее, запасы продовольствия. Не оставлять врагу ни килограмма хлеба, ни литра бензина. Все, что невозможно вывезти, приказывалось уничтожить. Создавать на оккупированной территории партизанские отряды и подпольные группы, уничтожать оккупантов всеми средствами. К тому времени по инициативе москвичей и ленинградцев уже началось формирование народного ополчения. Сталин призвал и жителей других районов страны организовывать отряды ополченцев.

Как известно, россияне не раз создавали народное ополчение для борьбы с иноземными захватчиками. Оно сыграло большую роль в ликвидации польско-шведской интервенции в начале XVII в. и в отражении наполеоновского нашествия в 1812 г. Движимые горячей любовью к Отечеству, желанием защищать его с оружием в руках, патриоты добровольно

вступали в ряды ополчения. Летом 1941 г. в новых исторических условиях граждане Советской страны продолжили эту традицию, обратившись к проверенной временем форме всенародного участия в борьбе с иноземным врагом. Пример москвичей и ленинградцев был подхвачен по всей стране.

4 июля ГКО принял постановление, определившее порядок формирования, вооружения и оснащения ополченских дивизий Москвы и правовое положение ополченцев. Было решено сформировать 25 ополченских дивизий и создать в каждом районе столицы запасной полк для подготовки пополнений. Снабжение транспортом, снаряжением, котелками и шанцевым инструментом производилось за счет ресурсов города и области, а также путем изготовления всего необходимого на местных предприятиях. Боевая подготовка ополченцев, обеспечение их оружием, боеприпасами и вещевым довольствием возлагались на штаб Московского военного округа. За ополченцами сохранялась средняя заработная плата на все время нахождения в ополчении. В случае смерти или инвалидности ополченца его семья пользовалась правом получения пенсии наравне с призванными в состав Красной Армии.

В московском и ленинградском ополчениях командирами частей и подразделений назначали, как правило, кадровых военных, которых было немало в этих гарнизонах, а в Поволжье, на Урале и в Сибири источником командно-политических кадров являлись партийно-советский актив и комсостав запаса, еще не призванный в армию. Довольно остро стоял вопрос об оснащении ополченцев оружием и военным снаряжением, запасы которого со складов НКО направлялись в первую очередь в воинские части, уходившие на фронт.

Снабжение ополченцев производилось за счет предельной мобилизации местных ресурсов. Использовались оружие и имущество добровольных оборонных организаций, военных кабинетов школ и вузов. Все, что можно, изготовлялось на местных предприятиях. Ополчение прифронтовых городов почти без подготовки было вынуждено вступить в бой, понеся при этом серьезные потери. Ополченцы в первых же сражениях проявили мужество, стойкость и самоотверженность, но очень часто им не хватало оружия, а также военных навыков. Дивизии народного ополчения внесли свой вклад в будущую победу, многие из них были переформированы и стали регулярными частями Красной Армии, прошли славный боевой путь от стен Москвы до Германии.

Ополчение тыловых городов ждала другая участь. Рабочие и служащие Поволжья, Урала, Сибири, записавшись в ополчение, продолжали трудиться на предприятиях, а в свободное от работы время проходили военную подготовку. Поэтому когда пришла их очередь идти в армию, они уже владели основами военного дела. Всего по стране насчитывалось более миллиона ополченцев. Много добровольцев вступило в ополчение на Дону, Кубани, в Поволжье, Сибири, в Воронежской, Горьковской, Ивановской, Кировской, Рязанской, Смоленской, Тульской и Ярославской областях, а также в других регионах СССР.

Существовал еще один вид добровольческих народных формирований – истребительные батальоны, в которые вступило 328 тыс. человек. Штатные подразделения НКВД не могли взять под охрану все важнейшие народнохозяйственные объекты: заводы, фабрики, железные дороги, мосты, электростанции, линии связи и здания госучреждений. Действенную помощь в этом деле оказали сформированные из добровольцев истребительные батальоны.

Защита Брестской крепости

Именно в эти черные, полные горечи дни отступления в наших войсках родилась легенда о **Брестской крепости**. Трудно сказать, где появилась она впервые, но, передаваемая из уст в уста, она вскоре прошла по всему тысячекилометровому фронту от Балтики до причерноморских степей.

Это была волнующая легенда. Рассказывали, что за сотни километров от фронта, в глубоком тылу врага, около города Бреста, в стенах старой русской крепости, стоящей на самой границе СССР, уже в течение многих дней и недель героически сражаются с врагом наши войска. Говорили, что противник, окружив крепость плотным кольцом, яростно штурмует ее, но при этом несет огромные потери, что ни бомбы, ни снаряды не могут сломить упорства крепостного гарнизона и что советские воины, обороняющиеся там, дали клятву умереть, но не покориться врагу и отвечают огнем на все предложения гитлеровцев о капитуляции.

Неизвестно, как возникла эта легенда. То ли принесли ее с собой группы наших бойцов и командиров, пробиравшиеся из района Бреста по тылам немцев и потом пробившиеся через фронт. То ли рассказал об этом кто-нибудь из фашистов, захваченных в плен. Говорят, летчики нашей бомбардировочной авиации подтверждали, что Брестская крепость сражается. Отправляясь по ночам бомбить тыловые военные объекты противника, находившиеся на польской территории, и пролетая около Бреста, они видели внизу вспышки снарядных разрывов, дрожащий огонь стреляющих пулеметов и текучие струйки трассирующих пуль.

Однако все это были лишь рассказы и слухи. Действительно ли сражаются там наши войска и что это за войска, проверить было невозможно: радиосвязь с крепостным гарнизоном отсутствовала. И легенда о Брестской крепости в то время оставалась только легендой. Но, полная волнующей героики, эта легенда была очень нужна людям. В те тяжкие, суровые дни отступления она глубоко проникала в сердца воинов, воодушевляла их, рождала в них бодрость и веру в победу. И у многих, слышавших тогда этот рассказ, как укор собственной совести, возникал вопрос: "А мы? Разве мы не можем драться так же, как они там, в крепости? Почему мы отступаем?"

Бывало, что в ответ на такой вопрос, словно виновато подыскивая для самого себя оправдание, кто-то из старых солдат говорил: "Все-таки крепость! В крепости обороняться сподручнее. Стены, укрепления, пушек, наверно, много."

Брестская крепость – одна из 9 крепостей, возведенных в XIX в. для укрепления западной границы России. 1 июня 1836 г. началось строительство Цитадели. 26 апреля 1842 г. крепость вступила в число действующих крепостей Российской империи. С началом первой мировой войны крепость являлась базой снабжения русских войск. С 13 августа 1915 г. и до конца 1918 г. крепость была оккупирована кайзеровскими войсками.

3 марта 1918 г. в Белом дворце Цитадели был подписан Брестский мир между Советской Россией и Германией с ее союзниками Австро-Венгрией, Турцией, Болгарией. С 1921 г. по 1939 г. в Брестской крепости размещались части польской армии.

Всем советским людям был хорошо известен подвиг защитников Брестской крепости. Как гласила официальная версия - немногочисленный гарнизон целый месяц сражался против целой дивизии немцев. Но даже из книги С.С. Сергеева "Брестская крепость" можно

узнать, что "весной 1941 года на территории Брестской крепости размещались части двух стрелковых дивизий Советской Армии. Это были стойкие, закаленные, хорошо обученные войска... Одна из этих дивизий – 6-я Орловская Краснознаменная - имела долгую и славную боевую историю... Другая - 42-я стрелковая дивизия – была создана в 1940 году во время финской кампании и уже успела хорошо показать себя в боях на линии Маннергейма." То есть в крепости было все-таки не несколько десятков пехотинцев, вооруженных лишь мосинскими винтовками, как складывалось впечатление у многих советских людей, посмотревших худфильмы об этой обороне.

Действительно, накануне войны в лагеря на учения из Брестской крепости были выведены больше половины подразделений – 10 из 18 стрелковых батальонов, 3 из 4 артполков, по одному из двух дивизионов ПТО и ПВО, разведбатов и некоторые другие подразделения. На утро 22 июня 1941-го в крепости были (практически все эти части упоминаются Смирновым, но не списком): Но фактически это была неполная дивизия – без 1 стрелкового батальона, 3 саперных рот и гаубичного полка. Плюс батальон НКВД и пограничники. В среднем в дивизиях Особого ЗапВО было фактически около 9.300 личного состава, т.е. 63%. Можно предположить – всего в крепости было утром 22 июня более 8 тысяч бойцов и командиров, не считая персонал и пациентов госпиталя.

Против гарнизона сражалась германская 45-я пехотная дивизия (из состава бывшей австрийской армии), имевшая боевой опыт польской и французской кампаний. Штатная численность германской дивизии должна была составлять 15–17 тысяч. И так, у германцев вероятно все-таки было численное превосходство в живой силе (если был полный штат), однако не 10-кратное, как утверждал Смирнов. Вряд ли можно говорить и о превосходстве в артиллерии. Да, у немцев были две 600-мм самоходные мортиры 040 (так называемые "Карлы"). Боекомплект этих орудий - 8 снарядов. Одну мортиру заклинило при первом выстреле. А двухметровые стены казематов не пробивались дивизионной артиллерией.

Германцы заранее решили, что крепость придется брать только пехотой – без танков. Их применению препятствовали леса, болота, речные протоки и каналы, окружавшие крепость. На основе аэрофотосъемок и данных, полученных в 1939 году после взятия крепости у поляков, был сделан макет крепости. Однако командование 45-й дивизии вермахта не ожидало, что понесет столь высокие потери от защитников крепости. В дивизионном рапорте от 30 июня 1941 года говорится: "дивизия взяла 7000 пленных, в том числе 100 офицеров. Наши потери – 482 убитых, в том числе 48 офицеров, и свыше 1000 раненых." Следует учесть, что в число пленных несомненно включены медперсонал и пациенты окружного госпиталя, а это несколько сот, если не больше, человек, которые физически не могли сражаться. Также показательно мала доля командиров (офицеров) среди пленных (в числе 100 попавших в плен очевидно посчитаны военврачи и больные в госпитале). Единственным старшим командиром (старшим офицером) среди оборонявшихся был командир 44-го полка майор Гаврилов. Дело в том, что артобстрелу в первые минуты войны подверглись дома комсостава – естественно, не такие прочные, как сооружения цитадели.

Для сравнения – в ходе польской кампании за 13 дней 45-я дивизия, пройдя 400 километров, потеряла 158 убитыми и 360 ранеными. Более того – суммарные потери германской армии на восточном фронте к 30 июня 1941 года составили 8886 убитых. То есть защитники Брестской крепости убили более 5% из них. И то, что защитников крепости было

около 8 тысяч, а вовсе не "горсточка", не умаляет их славы, а наоборот, показывает, что героев было немало. Больше, чем почему-то пыталась внушить соввласть. И до сих пор в книгах, статьях и сайтах о героической обороне Брестской крепости постоянно встречаются слова "маленький гарнизон". Еще частый вариант – 3.500 защитников. 962 воина похоронены под плитами крепости.

Из войск первого эшелона 4-й армии больше всего пострадали те, что размещались в цитадели Брестской крепости, а именно: почти вся 6-я стрелковая дивизия (за исключением гаубичного полка) и главные силы 42-й стрелковой дивизии, ее 44-й и 455-й стрелковые полки.

В 4 часа утра 22.6 был открыт ураганный огонь по казармам и по выходам из казарм в центральной части крепости, а также по мостам и входным воротам крепости и домам начсостава. Этот налет вызвал замешательство среди красноармейского состава, в то время как комсостав, подвергшийся нападению в своих квартирах, был частично уничтожен. Уцелевшая же часть комсостава не могла проникнуть в казармы из-за сильного заградительного огня... В результате красноармейцы и младший комсостав, лишённые руководства и управления, одетые и раздетые, группами и поодиночке самостоятельно выходили из крепости, преодолевая под артиллерийским, минометным и пулеметным огнем обводный канал, реку Мухавец и вал крепости. Потери учесть было невозможно, так как личный состав 6-й дивизии смешался с личным составом 42-й дивизии. На условное место сбора многие не могли попасть, так как немцы вели по нему сосредоточенный артиллерийский огонь. ... Некоторым командирам все же удалось пробраться к своим частям и подразделениям в крепость, однако вывести подразделения они не смогли и сами остались в крепости. В результате личный состав частей 6-й и 42-й дивизий, а также других частей остался в крепости в качестве ее гарнизона не потому, что ему были поставлены задачи по обороне крепости, а потому что из нее невозможно было выйти.

Почти одновременно ожесточенные бои развернулись на всей территории крепости. С самого начала они приобрели характер обороны отдельных ее укреплений без единого штаба и командования, без связи и почти без взаимодействия между защитниками разных укреплений. Оборонявшихся возглавили командиры и политработники, в ряде случаев – принявшие на себя командование рядовые бойцы.

В кратчайший срок они сплотили силы и организовали отпор немецко-фашистским захватчикам. Уже через несколько часов боев командование немецкого 12-го армейского корпуса вынуждено было направить на крепость все имеющиеся резервы. Однако, как доносил командир немецкой 45-й пехотной дивизии генерал Шлиппер, это "также не внесло изменения в положение. Там, где русские были отброшены или выкурены, через короткий промежуток времени из подвалов, водосточных труб и других укрытий появлялись новые силы, которые стреляли так превосходно, что наши потери значительно увеличивались". Противник безуспешно передавал через радиостановки призывы к сдаче в плен, посылал парламентариев.

Сопrotивление продолжалось. Защитники Цитадели удерживали почти 2-километровое кольцо оборонительного 2-этажного казарменного пояса в условиях интенсивных бомбардировок, артобстрела и атак штурмовых групп противника. В течение первого дня они отбили 8 ожесточенных атак вражеской пехоты, блокированной в Цитадели, а также атаки извне, с захваченных противником плацдармов на Тереспольском, Волинском,

Кобринском укреплении, откуда гитлеровцы рвались ко всем 4 воротам Цитадели. К вечеру 22 июня противник закрепился в части оборонительной казармы между Холмскими и Тереспольскими воротами (позже использовал ее как плацдарм в Цитадели), захватил несколько отсеков казармы у Брестских ворот.

Однако расчет врага на внезапность не оправдался; оборонительными боями, контратаками советские воины сковали силы противника, нанесли ему большие потери. Поздно вечером немецкое командование решило оттянуть из крепостных укреплений свою пехоту, создать за внешними валами блокадную линию, чтобы утром 23 июня вновь с артобстрела и бомбардировки начать штурм крепости.

Бои в крепости приняли ожесточенный, затяжной характер, которого враг никак не ожидал. Упорное героическое сопротивление советских воинов встретили немецко-фашистские захватчики на территории каждого крепостного укрепления. На территории пограничного Тереспольского укрепления оборону держали воины курсов шоферов Белорусского пограничного округа под командованием начальника курсов старшего лейтенанта Ф.М. Мельникова и преподавателя курсов лейтенанта Жданова, транспортной роты 17-го погранотряда во главе с командиром старшим лейтенантом А.С. Черным совместно с бойцами кавалерийских курсов, саперного взвода, усиленных нарядов 9-й погранзаставы, ветлазарета, сборов физкультурников. Им удалось очистить от прорвавшегося противника большую часть территории укрепления, но из-за недостатка боеприпасов и больших потерь в личном составе удержать ее они не могли. В ночь на 25 июня остатки групп Мельникова, погибшего в боях, и Черного, форсировали Западный Буг и присоединились к защитникам Цитадели и Кобринского укрепления.

На Волынском укреплении к началу военных действий размещались госпитали 4-й армии и 28-го стрелкового корпуса, 95-й медико-санитарный батальон 6-й стрелковой дивизии, находилась немногочисленная часть состава полковой школы младших командиров 84-го стрелкового полка, наряды 9-й погранзаставы. На земляных валах у Южных ворот оборону держал дежурный взвод полковой школы. С первых минут вражеского вторжения оборона приобрела очаговый характер.

Противник стремился пробиться к Холмским воротам и, прорвавшись, соединиться с штурмовой группой в Цитадели. На помощь из Цитадели пришли воины 84-го стрелкового полка. В черте госпиталя оборону организовали батальонный комиссар Н.С. Богатеев, военврач 2-го ранга С.С. Бабкин (оба погибли). Ворвавшиеся в госпитальные здания немецкие автоматчики зверски расправлялись с больными и ранеными. Оборона Волынского укрепления полна примеров самоотверженности бойцов и медперсонала, сражавшихся до конца в развалинах зданий. Прикрывая раненых, погибли медсестры В.П. Хорецкая и Е.И. Ровнягина. Захватив больных, раненых, медперсонал, детей, 23 июня гитлеровцы использовали их в качестве живого заслона, погнав впереди атакующих Холмские ворота автоматчиков. "Стреляйте, не жалейте нас!" - кричали советские патриоты. К концу недели очаговая оборона на укреплении затухла. Некоторые бойцы влились в ряды защитников Цитадели, немногим удалось пробиться из вражеского кольца.

По решению командования сводной группы были предприняты попытки прорвать кольцо окружения. 26 июня пошел на прорыв отряд (120 человек, в основном сержанты) во главе с лейтенантом Виноградовым. За восточную черту крепости удалось прорваться 13 воинам, но они были схвачены врагом.

Безуспешными оказались и другие попытки массового прорыва из осажденной крепости, пробиться смогли только отдельные малочисленные группы. Оставшийся маленький гарнизон советских войск продолжал сражаться с необыкновенной стойкостью и упорством. О непоколебимом мужестве бойцов гласят их надписи на крепостных стенах: "Нас было

пятеро Седов, Грутов, Боголюб, Михайлов, Селиванов В. Мы приняли первый бой 22 июня 1941. Умрем, но не уйдем отсюда...", "26 июня 1941 г. Нас было трое, нам было трудно, но мы не пали духом и умираем, как герои", об этом свидетельствуют обнаруженные во время раскопок Белого дворца останки 132 воинов и надпись, оставленная на кирпичах: "Умираем не срамя".

На Кобринском укреплении с момента военных действий сложилось несколько участков ожесточенной обороны. На территории этого самого большого по площади укрепления находилось много складов, коновязей, артиллерийских парков, размещались в казармах, а также в казематах земляного вала (периметром до 1,5 км) личный состав, в жилом городке – семьи начсостава. Через Северные и Северо-западные, Восточные ворота укрепления в первые часы войны выходила в предусмотренные пункты сбора часть состава гарнизона, основные силы 125-го стрелкового полка (командир майор А.Э. Дулькейт) и 98-го отдельного противотанкового артиллерийского дивизиона (командир капитан Н.И. Никитин).

Жесткое прикрытие выхода из крепости через Северо-западные ворота воинов гарнизона, а затем и оборону казармы 125-го стрелкового полка возглавил батальонный комиссар С.В. Дербенев. Противнику удалось перебросить с Тереспольского укрепления на Кобринское понтонный мост через Западный Буг (по нему, срывая переправу, вели огонь защитники западной части Цитадели), захватить в западной части Кобринского укрепления плацдарм и двинуть туда пехоту, артиллерию, танки.

Руководили обороной майор **П.М. Гаврилов**, капитан И. Н. Зубачёв и полковой комиссар Е. М. Фомин. Героические защитники Брестской крепости в течение нескольких дней успешно отражали атаки немецко-фашистских войск. 29 – 30 июня враг предпринял общий штурм Брестской крепости. Ему удалось захватить многие укрепления, обороняющиеся понесли тяжёлые потери, но продолжали сопротивление в неимоверно тяжёлых условиях (отсутствие воды, продовольствия, медикаментов). Почти месяц герои Б. к. сковывали целую немецкую дивизию, большинство их пало в бою, части удалось пробиться к партизанам, часть обессиленных и раненых попала в плен.

В результате кровопролитных боев и понесенных потерь оборона крепости распалась на ряд изолированных очагов сопротивления. До 12 июля в Восточном форту продолжала сражаться небольшая группа бойцов во главе с Гавриловым, позже, вырвавшись из форта, - в капонири за внешним валом укрепления. Тяжело раненные Гаврилов и секретарь комсомольского бюро 98-го отдельного противотанкового артиллерийского дивизиона, заместитель политрука Г.Д. Деревянко 23 июля попали в плен. Но и позже 20-х чисел июля в крепости продолжали сражаться советские воины.

Последние дни борьбы овеяны легендами. К этим дням относятся надписи, оставленные на стенах крепости ее защитниками: "Умрем, но из крепости не уйдем", "Я умираю, но не сдаюсь. Прощай, Родина. 20.07.41 г.". Ни одно из знамен воинских частей, сражавшихся в крепости, не досталось врагу. Знамя 393-го отдельного артиллерийского дивизиона закопали в Восточном форту старший сержант Р.К. Семенюк, рядовые И.Д. Фольварков и Тарасов. 26.09.1956 года оно было откопано Семенюком.

В подвалах Белого дворца, Инженерного управления, клуба, казармы 333-го полка держались последние защитники Цитадели. В здании Инженерного управления и Восточном форту гитлеровцы применили газы, против защитников казармы 333-го полка и 98-го дивизиона, капонира в зоне 125-го полка – огнемёты. С крыши казармы

333-го стрелкового полка к окнам были спущены взрывчатые вещества, но раненные взрывами советские воины продолжали стрелять до тех пор, пока стены здания не были разрушены и сровнены с землей. Противник вынужден был отметить стойкость и героизм защитников крепости.

По свидетельству противника, "сюда нельзя было подступиться, имея только пехотные средства, так как превосходно организованный ружейный и пулеметный огонь из глубоких окопов и подковообразного двора скашивал каждого приближающегося. Оставалось только одно решение - голодом и жаждой принудить русских сдаться в плен...". Гитлеровцы методически целую неделю атаковали крепость. Советским воинам приходилось отбивать по 6-8 атак в день. Рядом с бойцами были женщины и дети. Они помогали раненым, подносили патроны, участвовали в боевых действиях. Фашисты пустили в ход танки, огнеметы, газы, поджигали и скатывали с внешних валов бочки с горючей смесью. Горели и рушились казематы, нечем было дышать, но когда в атаку шла вражеская пехота, снова завязывались рукопашные схватки. В короткие промежутки относительного затишья в репродукторах раздавались призывы сдаваться в плен.

Находясь в полном окружении, без воды и продовольствия, при острой нехватке боеприпасов и медикаментов гарнизон мужественно сражался с врагом. Только за первые 9 дней боев защитники крепости вывели из строя около 1,5 тысяч солдат и офицеров противника. К концу июня враг захватил большую часть крепости, 29 и 30 июня гитлеровцы предприняли непрерывный двухсуточный штурм крепости с использованием мощных (500 и 1800-килограммовых) авиабомб. 29 июня погиб, прикрывая с несколькими бойцами группу прорыва, Кижеватов.

В Цитадели 30 июня гитлеровцы схватили тяжелораненых и контуженых капитана Зубачева и полкового комиссара Фомина, которого фашисты расстреляли недалеко от Холмских ворот. 30 июня после длительного обстрела и бомбежки, завершившихся ожесточенной атакой, гитлеровцы овладели большей частью сооружений Восточного форта, захватили в плен раненых.

В июле командир 45-й немецкой пехотной дивизии генерал Шлиппер в "Донесении о занятии Брест-Литовска" сообщал: "Русские в Брест-Литовске боролись исключительно упорно и настойчиво. Они показали превосходную выучку пехоты и доказали замечательную волю к сопротивлению".

Истории, подобные защите Брестской крепости, стали бы широко известными в других странах. Но мужество и героизм защитников Брестской крепости остались невоспетыми. Вплоть до смерти Сталина в СССР – словно бы не замечали подвига гарнизона цитадели. Крепость пала, и многие из ее защитников сдались в плен – в глазах сталинистов это рассматривалось как позорное явление. А потому не было никаких героев Бреста. Крепость просто вычеркнули из анналов военной истории, стерев имена рядовых и командиров.

В 1956 г. мир наконец узнал, кто руководил обороной цитадели. Смирнов пишет: "Из найденного боевого приказа № 1 нам известны имена командиров частей, оборонявших центр: комиссар Фомин, капитан Зубачев, ст. лейтенант Семененко и лейтенант Виноградов". 44-м стрелковым полком командовал Пётр Михайлович Гаврилов. Комиссар Фомин, капитан Зубачев и лейтенант Виноградов входили в состав боевой группы, вырвавшейся из крепости 25 июня, однако на Варшавском шоссе ее окружили и уничтожили. Трое офицеров попали в плен. Виноградов пережил войну. Смирнов разыскал его в Вологде, где он, никому не известный в 1956 г., работал кузнецом. По словам Виноградова: "Перед тем как пойти на прорыв, комиссар Фомин надел форму убитого рядового. В лагере военнопленных комиссара выдал немцам один солдат, и Фомина расстреляли. Зубачев умер в плену. Майор Гаврилов пережил плен, несмотря на тяжелое

ранение. Он не хотел сдаваться, бросил гранату и убил немецкого солдата". Много времени прошло, прежде чем имена героев Бреста были вписаны в советскую историю. Они заслужили свое место там. То, как они сражались, их непоколебимое упорство, преданность долгу, храбрость, проявляемая ими вопреки всему, – все это было вполне типично для советских солдат.

Отважно сражался взвод, которым командовал лейтенант Алексей Наганов. Метким огнем красноармейцы наносили врагу большие потери. Отбивая одну из многочисленных атак фашистов, взвод попал под шквальный огонь немецких пулеметов. Все воины погибли или были ранены. Наганов остался один. Продолжая вести бой, он укрылся в башне крепости. Первого гитлеровца, который ворвался в башню, лейтенант сразил метким выстрелом. Затем уничтожил еще нескольких врагов. Но борьба была слишком неравной. Алексей Наганов упал, сраженный очередью из автомата.

Оборона Брестской крепости явилась выдающимся примером исключительной стойкости и мужества советских воинов. Это был поистине легендарный подвиг сынов народа, безгранично любивших свою Родину, отдавших за неё жизнь. Советский народ чтит память отважных защитников Брестской крепости: капитана В.В. Шабловского, старшего политрука Н.В. Нестерчука, лейтенантов И.Ф. Акимочкина, А.М. Кижеватова, А.Ф. Наганова, младшего политрука А.П. Каландадзе, заместителя политрука С.М. Матевосяна, старшего сержанта Абдуллаева Д. Абдулла оглы, воспитанника полка **П.С. Клыпы** и многих др. В память о подвиге героев Брестской крепости 8 мая 1965 ей присвоено почётное звание «Крепость-герой» с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Причины военных поражений на первом этапе войны (1941-1942 годы)

Почему же нападение фашистской Германии на СССР стало столь неожиданным для военного и политического руководства страны, что повлекло за собой катастрофические потери и отступление войск Красной Армии в 1941-1942 годах, на первом этапе войны? Одна из главных причин случившегося заключается в том, что фашистская Германия оказалась более подготовленной к войне. Ее экономика была полностью мобилизована. Германия захватила на Западе громадные запасы металла, строительного сырья и вооружения. Гитлеровцы имели преимущество в численности войск, отмобилизованных и заблаговременно развернутых у западных границ СССР, в автоматическом оружии, а наличие большого числа автомашин и механизированной техники значительно повышало мобильность военных подразделений. На трагический для войск Красной Армии исход первых военных операций существенное влияние оказал опыт войны, полученный немецко-фашистскими войсками в 1939-1941 году на западном театре военных действий.

Боеспособность же Красной Армии в огромной мере была ослаблена необоснованными **репрессиями военных** кадров в предвоенные годы. В связи с этим командный состав Красной Армии по своей профессиональной подготовке был отброшен фактически на уровень конца гражданской войны. Огромное число опытных и образованных советских военачальников, мыслящих категориями современной войны, было расстреляно по ложным обвинениям. Из-за этого уровень боевой подготовки войск резко снизился, и его уже невозможно было повысить за короткий срок. Результаты неудачной для СССР кровопролитной **войны с Финляндией** стали главным симптомом складывающейся угрожающей ситуации. Плачевное состояние Красной Армии, и, прежде всего её командных кадров, было прекрасно известно политическому и военному руководству фашистской Германии. В условиях начавшейся Великой Отечественной войны процесс укрепления советского офицерского корпуса осложнялся еще и тем, что многие командиры среднего и даже высшего звена, не справившиеся со своими обязанностями в первый период тяжелого отступления и поражений Красной Армии, предавались суду военного трибунала и

приговаривались к расстрелу. Те же командиры, которые попадали в плен к противнику, без всякого разбора объявлялись предателями и врагами народа.

В 1935-1939 гг. более 48 тыс. командиров и политработников было уволено из Красной Армии, а значительная их часть арестована. Около 11 тыс., в том числе будущий маршал Советского Союза Рокоссовский, который провел в тюрьме почти три года по абсурдному обвинению в шпионаже в пользу Польши, вернулись в войска, но накануне и в первые дни войны арестовали еще одну группу высших советских военных руководителей, в том числе бывшего начальника Генерального штаба, заместителя наркома обороны, Героя Советского Союза Мерецкова, помощника начальника Генштаба, дважды Героя Советского Союза, отличившегося в боях в Испании и на Халхин-Голе Я.В. Смушкевича, начальника управления Военно-воздушных сил, Героя Советского Союза П.В. Рычагова, начальника управления противовоздушной обороны, участника боев на Хасане и Халхин-Голе, Героя Советского Союза Г.М. Штерна, командующего войсками Прибалтийского военного округа К.Д. Локтионова, начальника разведки И.И. Проскурова. В живых остался один Мерецков, всех остальных расстреляли в октябре 1941 г. К лету 1941 г. около 75% командиров и 70% политработников находились в своих должностях менее одного года. За такой короткий срок они не могли полностью освоиться с новыми обязанностями и успешно выполнять их. Выдвинутые на смену репрессированным новые кадры нередко были смелыми, энергичными и способными, но по уровню подготовки и опыту предыдущей службы они не могли успешно руководить вверенными им частями.

Высшее военное командование часто не имело систематического военного и общего образования. Достигнув высоких должностей и званий, они нередко сохраняли привычки своей солдатской молодости – управляли подчиненными при помощи мата, а иногда и зуботычин (этим, по свидетельству Н.С. Хрущева, грешили, например, командовавшие фронтами маршал С.М. Буденный, генералы А.И. Еременко и В.Н. Гордов). Кое-кто страдал запоями, как командовавший Северным фронтом генерал М.М. Попов. Оба наркома обороны довоенного времени: близкий к Сталину известнейший политический деятель К.Е. Ворошилов и сменивший его в 1940 г. С.К. Тимошенко, лихой рубака-кавалерист времен Гражданской войны, – имели лишь начальное образование. Доля людей с высшим образованием в командном составе Красной Армии составляла в 1940г. всего 2,9%. Отсутствие образования и опыта современной войны некоторые военачальники возмещали большой самоуверенностью. Так, командующий Западным Особым Военным Округом (будущим Западным фронтом) генерал Павлов до войны утверждал, что один "советский танковый корпус способен решить задачу уничтожения одной-двух танковых и четырех-пяти пехотных дивизий". Начальник Генерального штаба Мерецков на совещании в Кремле 13 января 1941 г. говорил: "Наша дивизия значительно сильнее дивизии немецко-фашистской": "во встречном бою она, безусловно, разобьет немецкую дивизию. В обороне же одна наша дивизия отразит удар двух-трех дивизий противника".

Германия имела существенный перевес над силами приграничных округов – в 1,4 раза. Техническое оснащение Красной Армии уступало немецкой. Немецкие самолеты и танки имели радиосвязь и далеко превосходили основную массу советских самолетов и танков по скорости, вооружению и маневренности. Новые образцы танков и самолетов, созданные в СССР накануне войны, не уступали немецким, но их было мало. В приграничных округах имелось только 1475 новых танков и 1540 боевых самолетов новых типов, причем лишь часть экипажей освоила управление ими. Немецкие войска передвигались в основном на автотранспорте и управлялись по радио, тогда как советские войска часто двигались пешим порядком или на конной тяге. Радиостанций у них было мало, а проводная связь оказалась ненадежной. Большинство бойцов Красной Армии было вооружено винтовками (да и тех порой не хватало), а немецкие солдаты – автоматами, в Красной Армии было мало зенитной

и противотанковой артиллерии; бойцам приходилось идти против танков с бутылками с зажигательной смесью, которые за рубежом почему-то называли "коктейль Молотова".

Огромное значение имел тот факт, что немецкая армия обладала двухлетним опытом современной войны, а Красная Армия такого опыта не имела. Немецкое командование уже провело целый ряд успешных операций в Европе; немецкие штабы получили большую практику руководства войсками и взаимодействия друг с другом; немецкие летчики, танкисты, артиллеристы, специалисты всех родов войск получили хорошую подготовку и были обстреляны в боях. Напротив, руководители Красной Армии участвовали только в Гражданской войне и сравнительно небольших по своим масштабам локальных военных конфликтах в Испании, на Халхин-Голе и в Финляндии.

Еще один комплекс причин, повлиявший на катастрофическую для Красной Армии ситуацию начала войны, заключался в том, что советское военное и особенно политическое руководство допустило серьезнейший просчет в оценке военно-политической обстановки накануне германского вторжения. Так, план обороны СССР исходил из ошибочного предположения Сталина о том, что на случай войны главный удар Германии будет направлен не на минском направлении против Москвы, а на юге, против Украины с целью дальнейшего продвижения к нефтеносному Кавказу. Поэтому основная группировка войск Красной Армии находилась на юго-западном направлении, в то время как оно рассматривалось германским командованием на первых порах как второстепенное. Слабость и несоответствие вооружения и организации войск Красной Армии в условиях современной войны, столь явно обнаружившиеся в ходе советско-финляндского конфликта, привели советское руководство к решению о необходимости их перевооружения и реорганизации.

Но этот процесс затянулся и не был завершен до нападения немецко-фашистских войск. Дело в том, что подобная крупномасштабная реорганизация без учета реальных возможностей обеспечения войск оружием и боевой техникой, а также хорошо подготовленными командными кадрами, оказалась невозможной. Например, в марте 1941 года было принято решение о создании 20 механизированных корпусов, расформированных в 1939 году в результате ошибочного решения тогдашнего руководства наркомата обороны. Для этого требовалось около 32 тысяч танков, из них – 16,6 тысяч новых. Однако промышленность не могла поставить такое количество техники за столь сжатые сроки, в особенности новейших конструкций.

Руководители наркомата обороны, выдвинувшиеся на высокие посты после 1938 года, не всегда могли правильно оценить преимущество представляемых им на рассмотрение новых образцов оружия и принять их на вооружение. Так, считалось, что автоматы не имеют никакого значения для ведения современных боевых действий, в результате чего на вооружении Красной Армии по-прежнему оставалась трехлинейная винтовка (правда, модернизированная) образца 1891 года. Не были оценены вовремя боевые возможности реактивного оружия. Лишь в июне 1941 года, уже после нападения на СССР, было принято решение о запуске в серийное производство знаменитых в дальнейшем "катюш".

Руководство страны не имело твердого мнения о новейших советских танках KB и T-34. Они, правда, уже были в войсках, но их промышленное производство из-за нерешительности руководства наркомата обороны задерживалось. По этой же причине сократилось производство пушечной артиллерии, новых пулеметов, мало производилось противотанковых и зенитных орудий. Не были оценены боевые преимущества 45-ти и 76-миллиметровых артиллерийских орудий. Ни один вопрос, касавшийся вопросов вооружения Красной Армии и снабжения ее боевой техникой, не решался без личного согласия Сталина, а оно очень часто зависело от его настроения, капризов и невысокой компетенции в проблемах оценки качества современного вооружения.

Очень много зависело от командно-бюрократических методов руководства экономикой страны, сложившихся на протяжении 30-х годов. Многие серьезные вопросы развития промышленности и сельского хозяйства решались субъективистски, без научного анализа и обоснования. Сталинские репрессии не обошли и руководителей промышленности и сельского хозяйства, ведущих конструкторов новой боевой техники. Авиационная промышленность переживала в предвоенные годы крупную реконструкцию, но она осуществлялась медленно, установленные сроки часто нарушались. Хотя производство самолетов в 1940 году возросло почти на 20% , армия получала в основном лишь устаревшие образцы, новые пока собирались вручную в конструкторских бюро в единичных, экспериментальных образцах. До начала войны правительство так и не приняло мобилизационные планы развертывания промышленности в военное время, всю работу по планированию перестройки экономики на военный лад и саму эту перестройку пришлось осуществлять уже в условиях войны.

Значительные силы и средства, имевшиеся в пограничных округах СССР для отражения фашистской агрессии, не были своевременно приведены в боевую готовность. Лишь незначительная часть дивизий была отобилизована по штатам военного времени, войска западных пограничных округов были рассредоточены на обширной территории – до 4500 км по фронту и на 400 км в глубину. Достаточно мощная система укрепленных районов, построенная в 30-х годах на старой государственной границе СССР, после территориального расширения страны на запад в 1939-1940 годах оказалась в глубоком тылу войск Красной Армии. Поэтому укрепленные районы были законсервированы, и с них снималось практически все вооружение. В условиях господства тогдашней советской военной доктрины, предусматривавшей в случае возникновения войны вести ее "малой кровью" и исключительно на территории агрессора, укрепленные районы на новой государственной границе не строились, и большая часть боеспособных войск Красной Армии была придвинута непосредственно к границам. Именно они в первые дни фашистского нападения, несмотря на героическое сопротивление, оказались в окружении и были уничтожены.

Пагубную роль сыграло личное запрещение Сталина приводить войска западных пограничных округов в боевую готовность, несмотря на неоднократные требования наркомата обороны, проинформированного пограничниками о концентрации сил врага, уже готового к броску на восток. Сталин был маниакально уверен, что руководство гитлеровской Германии не решится в ближайшее время нарушить договор о ненападении, хотя сроки такого нападения неоднократно поступали по каналам разведки. Исходя из этих ошибочных предположений, Сталин запретил военному руководству страны предпринимать любые действия, которые Гитлер мог бы использовать в качестве повода для развязывания войны с СССР. Ничем нельзя оправдать трагедию первого периода Великой Отечественной войны, однако, выясняя причины ее, следует видеть главную – это режим личной власти Сталина, слепо поддерживаемый его ближайшим окружением, его репрессивная политика и некомпетентные решения во внешнеполитической и военной областях. На его совести лежат сотни тысяч жизней советских солдат и офицеров, честно отдавших свои жизни на полях пограничных сражений в первые часы и дни кровавой Отечественной войны советского народа против немецко-фашистских захватчиков.